

Казахские ханы XVIII в. в борьбе за власть над Башкирией: золотоордынское наследие в новых политико-правовых реалиях*

В статье анализируются политико-правовые аспекты борьбы казахских ханов за власть над Башкирией в XVIII в. Автор на основе документов рассматриваемого периода и с учетом исследований по данной тематике анализирует причины приглашения башкирами казахских ханов в качестве своих правителей, представления о роли хана и ханской власти как башкирских повстанцев, так и самих казахских правителей. Автор приходит к выводу, что казахские ханы в той или иной степени стремились восстановить границы прежней Золотой Орды, однако существенно изменившаяся политическая ситуация, позиция как тюрко-монгольских народов Поволжья и Приуралья, так и Российской империи, не позволили им сделать это.

Ключевые слова: Башкирия, Казахстан, Золотая Орда, Российская империя, ханская власть, башкирские восстания, тюрко-монгольские государства.

Башкирия в течение длительного времени входила в состав Золотой Орды, а после ее распада – в сферу влияния постордынских государств, в т.ч. Казанского ханства и Ногайской Орды. И если в эпоху Казанского ханства можно говорить о сохранении в той или иной степени прежнего формата взаимоотношений башкирских племен с ханами-Чингизидами, то в результате вхождения башкир в сферу влияния Ногайской Орды взаимоотношения, по-видимому, несколько изменились¹.

Переход Башкирии под власть московских князей, а затем царей повлек коренную перестройку системы управления, а главное – установление налогов, сборов и повинностей, заселение башкирских земель русскими служилыми людьми, крестьянством и даже монастырями (Акманов, 1993, с. 54 и след.). Конечно, не стоит идеализировать государственное устройство и социально-экономический строй башкир в период чингизидского и ногайского владычества, однако прежние правители все же были ближе к башкирским политическим, экономическим, религиозным традициям, нежели новые власти. Поэтому неудивительно, что с сер. XVII в. в Башкирии началась целая серия восстаний, продолжавшихся в общей сложности более столетия. Восстания эти в отечественной историографии трактовались как национально-освободительные движения, однако нельзя отрицать, что башкиры не только стремились освободиться от русского владычества, но и предпринимали попытки восстановления прежнего государственного устройства и правления. На это указывает тот факт, что во время восстаний в Башкирию в качестве предводителей восставших неоднократно приглашались Чингизиды и другие тюрко-монгольские правители, признававшиеся башкирами в качестве ханов.

Не последнее место среди таких правителей занимали казахские ханы и султаны, которые на протяжении первых трех четвертей XVIII в. стремились установить свой контроль над Башкирией. Являясь потомками не только Чингис-хана, но и ханов Золотой Орды, казахские правители, таким образом, в известной степени претендовали на золотоордынское наследие, на бывшие поволжские и уральские владения Джучидов. Однако ситуация в XVIII в. уже никоим образом не напоминала золотоордынские времена. Более того, соглашаясь даже номинально стать во главе восстания, ханы автоматически становились мятежниками и узурпаторами в глазах русских властей, в подданстве которых с середины XVI в. находилась Башкирия. Поэтому лишь особые обстоятельства позволяли казахским правителям выказывать претензии на власть над Башкирией. Анализу этих обстоятельств и посвящено настоящее исследование.

Признание самими башкирами правителей соседних государств в качестве своих ханов чаще всего было связано с антироссийскими восстаниями, которые неоднократно имели место на про-

* Данное научное исследование (проект № 14-01-0010) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014/2015 гг.

Мнение редколлегии не всегда совпадает с выводами автора.

¹ Специфика подчинения Башкирии ногайским правителям была подробно рассмотрена В.В. Трепавловым (Трепавлов, 1997; Трепавлов, 2001).

тяжении XVII–XVIII вв., начавшись с движений 1660-х гг. и завершившись активным участием в восстании 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Приглашенные правители тюрко-монгольских государств должны были стать предводителями восставших – зачастую номинальными, являясь компромиссными фигурами в условиях соперничества за реальную власть глав отдельных башкирских родов и племен.

При этом казахские правители не сразу стали рассматриваться восставшими в качестве таких предводителей. Так, во время восстаний в середине XVII в. восставшие башкиры делали ставку на потомков сибирского хана Кучума, разгромленного в конце XVI в. московскими войсками. Его потомки до 1670-х гг. старались вернуть себе трон Сибирского ханства, поэтому их враждебность по отношению к Москве, несомненно, выглядела привлекательным качеством претендентов в глазах башкир. Кроме того, выбор именно Кучумовичей как номинальных предводителей восстаний мог объясняться рядом политико-правовых факторов, благодаря которым обосновывалась легитимность сибирских Шибанидов как законных ханов в Башкирии. Тут могло учитываться и то, что их предки (правда, не прямые) владели тронем Золотой Орды и в качестве таковых являлись правителями всего Поволжья, в том числе и Башкирии – Хызр, Тимур-Ходжа, Мюрид, Азиз-Шейх, Пулад, Ильбек, Каганбек, Арабшах. В конце XV – начале XVI вв. на трон Золотой Орды и Казанского ханства претендовали уже прямой предок Кучумовичей – Ибак (дед Кучума) и его братья – Мамук и Агалак. Наконец, в 1540-е гг. наместником ногайских властей в Башкирии являлся Ахмад-Гирей – старший брат Кучума (Исянгулов, 2011, с. 29–33; Трепавлов, 2001, с. 208–210). Являясь, таким образом, потомственными наследниками ханского трона, Кучумовичи обладали в глазах башкирских родоплеменных вождей и еще одним ценным свойством: они не имели тесных связей с Башкирией, хотя, некоторые сибирские Шибаниды, по-видимому, старались и породниться с башкирскими феодалами путем браков. Следовательно, они не могли опереться на какие-либо местные силы и, соответственно, в случае провозглашения их ханами всецело зависели от тех, кто их поддерживал.

Впрочем, следует отметить, что в Башкирии далеко не все восставшие готовы были признавать именно потомков Кучума в качестве своих предводителей. Так, например в 1663 г. во время очередного антимосковского восстания башкиры Сибирской дороги призвали Кучука, правнука Кучума, тогда как башкиры Ногайской и Казанской дорог обратились за поддержкой не к Кучумовичам, а к калмыкам Шукур-Дайчина и Аюки (Акманов, 1993, с. 102; Колесник, 2003, с. 89). Тем не менее, значительная часть башкир с готовностью признавала претензии на ханскую власть сыновей и внуков Кучума. Правда, был ли их статус монархов официально закреплен церемонией интронизации именно в Башкирии, сведений не имеется. Вполне возможно, что башкиры признавали Кучумовичей ханами по итогам их интронизации в самой Сибири, где они могли формально проводить курултай, на которых официально возводились в ханское достоинство.

Таким образом, в глазах башкир сибирские Шибаниды в течение длительного времени оставались наиболее легитимными претендентами на ханский трон. Обращение башкирских вождей к другим восточным монархам – казахским, каракалпакским или ойратским ханам началось только после того, как Кучумовичи сошли с политической сцены.

Поскольку башкирские восстания закачивались поражениям, мы не можем судить о том, в какой форме башкиры представляли себе положение ханов-Кучумовичей в случае создания независимого государства. Однако есть основания полагать, что о сильной ханской власти речи не шло: башкирские феодалы, несомненно, намеревались сохранять сильную политическую власть и влияние при номинальных ханах, которые, как уже отмечалось, не имели тесных связей и твердой опоры в Башкирии. Именно это, скорее всего, и послужило причиной того, что башкиры столь длительное время последовательно поддерживали «сибирских претендентов» на ханский трон.

Вмешательство казахских правителей в борьбу за власть над Башкирией началось в самом начале XVIII в., в ходе восстания 1704–1711 гг., названного по именам его главных вождей «Алдар-Кусюмовским». Это восстание вообще отличается активным участием в нем большого количества истинных и мнимых Чингизидов, которых восставшие намеревались провозгласить ханами. Во-первых, восставшие башкиры обратились за поддержкой к крымскому хану, что не могло не обеспокоить Москву (Акманов, 1993, с. 147). Во-вторых, одним из предводителей восстания стал некий Мурат Кучуков, являвшийся, согласно расследованиям российских чиновников, уфимским уроженцем, т. е. башкиром, и одним из реальных руководителей восстания (Ахмадов, 2002, с. 181, 347). Однако чтобы усилить свое влияние по сравнению с другими вождями восставших, он стал выдавать себя за царевича-Чингизида под именем Султан-Мурада или Султана-Хаджи. Интересно отметить, что, похоже, сами башкиры не очень-то понимали, что на родство с какой ветвью «Золо-

того рода» претендовал самозванец. По одним данным, он выдавал себя за сына сибирского царевича Кучука – последнего потомка Кучума, предъявлявшего претензии на трон Сибирского ханства (Лемерсье-Келькеже, 2009, с. 263; Трепавлов, 2012, с. 123). Некоторые косвенные данные позволяют предположить, что он претендовал на связь с северокавказской ветвью крымского правящего рода Гиреев (Акманов, 1993, с. 144–145). Наконец, по еще одной версии он считался сыном каракалпакского хана Кучука (Сабитов 2008, с. 79; см. также: Сень, 2009, с. 166–167). К тому же, окончательно запутывая и самих участников восстания, и следствие, начавшееся после его подавления, он именовал себя «прямым башкирским салтаном», кроме того, среди восставших стали распространяться слухи, будто он еще и святой, а видеть его могут лишь наиболее высокопоставленные вожди восставших (Акманов, 1993, с. 146–147; Ахмадов, 2002, с. 347). Возможно, с ним же следует ассоциировать некоего Хази (Хаджи?), объявившего себя потомком Кучума: восставшие имели грандиозные планы по захвату Казани и возведению Хази на трон вновь создаваемого ханства (Таймасов, 2012, с. 21).

В рамках данного исследования для нас особенно интересно то, что в самом его начале в Башкирию были приглашены казахские ханы Батыр (некоторые исследователи отождествляют его со знаменитым ханом Тауке – фактически последним ханом всех трех казахских жузов), Зангир и Оболгаир (Таймасов, 2009, с. 259–260; Таймасов, 2012, с. 21–22). Последнего, вероятно, можно отождествить с известным впоследствии казахским ханом Младшего жуза Абу-л-Хайром – тем самым, который первым из казахских ханов принял русское подданство. В его участии в башкирских событиях начала XVIII в. нет ничего невозможного: известно, что примерно в это время он находился в Поволжье, пребывая при дворе калмыцкого хана Аюки, у которого многому научился в области военного дела, причем обстоятельства, при которых он покинул Поволжье, исследователям остались неизвестны. Вполне вероятно, что именно с участием в башкирском восстании и полученной в бою с русскими войсками раной (о чем также упоминается в документах, посвященных восстанию) и было связано возвращение Абу-л-Хайра в родные казахские степи (Ерофеева, 2007, с. 128–130).

Приглашение казахских ханов – потомков золотоордынских ханов из рода Джучи (через Урусхана б. Туга-Гимура, считающегося основателем казахской государственности) вряд ли следует напрямую связывать с тем, что их предки некогда возглавляли Золотую Орду. Или даже с тем, что один из казахских султанов, Хакк-Назар (впоследствии один из выдающихся казахских ханов) был наместником ногайских биев в Башкирии (Трепавлов, 2001, с. 205–207)². Несомненно, казахские ханы представлялись предводителям башкирского восстания привлекательными кандидатами на ханский трон в силу отсутствия тесных связей с теми или иными башкирскими родами (подобно Кучумовичам в середине XVII в.). Кроме того, как известно, казахские и башкирские правители на протяжении веков неоднократно совершали набеги на владения друг друга, и, приглашая на трон казахского хана или султана, башкиры тем самым старались гарантировать себя от набегов его других подданных – казахских. Обращает на себя внимание и тот факт, что одновременно в Башкирию были приглашены сразу три казахских правителя: следовательно, вожди восстания намеревались либо выбрать наиболее подходящего среди них, либо, напротив, противопоставлять их одного другому с целью взаимного ослабления каждого из претендентов.

Однако башкирские предводители не учли личностных особенностей кандидатов на трон – по крайней мере, одного из них, Абу-л-Хайра, который вовсе не собирался отказываться от возможности стать ханом над башкирами после первой неудачи (ранения и возвращения в родные степи около 1708 г.) и, к тому же, довольствоваться ролью марионетки местных родоплеменных вождей. Во время следующего восстания 1735–1739 гг. он вновь оказался в Башкирии, причем на этот раз появился там отнюдь не по приглашению предводителей восставших, а по собственной инициативе.

Надо сказать, что к этому времени статус Абу-л-Хайра, являвшегося в начале XVIII в. всего лишь одним из многочисленных казахских султанов (да еще и не принадлежавшим к старшей ветви ханского рода), существенно изменился. Около 1710 г. он был провозглашен ханом Младшего жуза – в ущерб своим старшим родичам, а в 1731 г. первым из казахских Чингизидов принял российское подданство – с целью упрочить свое положение среди казахов. В связи с этим он обставил свое появление в Башкирии в 1736 г. с достаточной осторожностью, заявив начальнику Оренбургской пограничной комиссии И.К. Кириллову, что явился с целью принять участие в подавлении восстания башкир (Материалы, 2002, с. 215). Однако его связи с восставшими, равно как и намерение посадить на башкирский трон своего сына Хаджим-Ахмада, очень скоро стали известны рос-

² Альтернативная версия происхождения «хана» Акназара, предложенная Ж.М. Сабитовым (Сабитов, 2009, с. 140–141), представляется слишком уж натянутой.

сийским властям (Ерофеева, 2007, с. 305; Касымбаев, 1997, с. 70; Материалы, 2002, с. 536, 557). Естественно, действия казахского хана не могли не обеспокоить имперскую пограничную администрацию, которая в полной мере осознавала опасность заключения союза между башкирами и казахами. Так, И.К. Кириллов еще в 1734 г. в проекте об основании Оренбурга писал: «Могут еще противные резоны произойти, что когда киргизский народ будет под одним российским владением с башкирцами, то бы иногда соединяясь с башкирцами, не учинились общими неприятелями», полагая, что возведение между башкирскими и казахскими владениями русских укрепленных городов позволит избежать такой опасности (Памятники, 2014, с. 372).

Отношения между Абу-л-Хайром и российскими пограничными властями были довольно сложными. С одной стороны, он считался подданным российской императрицы Анны Иоанновны, и его намерения, безусловно, следовало квалифицировать как измену. С другой стороны, учитывая заинтересованность российской администрации в сотрудничестве с Абу-л-Хайром и другими влиятельными казахскими ханами и султанами, следовало проявлять известную гибкость в отношениях с ним, и вооруженное противостояние с ним в сложившихся обстоятельствах не было возможным, несмотря на то, что между самими башкирами и российскими войсками шли открытые боевые действия.

Лишь после длительных дипломатических ухищрений новому начальнику Оренбургской пограничной комиссии В.Н. Татищеву в 1737 г. удалось противопоставить Абу-л-Хайра его потенциальным подданным и даже направить башкирские отряды против казахского хана – в наказание за его набег на подвластных Российской империи калмыков (Материалы, 2002, с. 430). Впрочем, вскоре отношения между российскими властями и их «проблематичным» подданным, казалось, наладились, и в очередном послании к нему он вновь именуется «верноподданным самодержицы нашей всероссийской нашей всемилостивой государыни», а он сам (вместе с Семеке, ханом Среднего жуза) демонстративно отказал башкирским посланцам, вновь приглашавшим его к себе, заявив, что их «надобно... нам всех разорить, а не помощи дать» (Материалы, 2002, с. 433, 486).

В конце 1737 г. Абу-л-Хайр вновь появился в Башкирии, на этот раз, и в самом деле, приняв участие в борьбе с восставшими башкирами совместно с оренбургскими властями. Однако, как оказалось, намерений стать ханом башкир он не оставлял. В феврале 1738 г. он женился на знатной башкирке, женив тогда же на другой своего сына Ирали, а сам вступил в подозрительные переговоры с мятежниками (Материалы, 2002, с. 536, 540–541). В марте Абу-л-Хайр вел себя уже как хан, осуществляя суд и расправу среди башкир, собирая с них налоги и пр. (Материалы, 2002, с. 545). Тем не менее, В.Н. Татищеву вновь удалось дипломатическими методами убедить казахского хана отказаться от претензий на власть над башкирами и вернуться в Казахстан, да еще и оставить Ходжа-Ахмада в Оренбурге в качестве аманата, т. е. заложника (Ерофеева, 2007, с. 305–308). Это удалось ему тем проще, что башкирские вожди, по-видимому, намеревались, как и ранее «не давать воли» своему казахскому ставленнику, сведя его ханские prerogatives к минимуму. Например, оренбургским властям было известно, что Абу-л-Хайр не имеет право без ведома предводителей восставших писать кому-либо или вскрывать адресованные ему письма, должен довольствоваться тем количеством собранного в качестве налогов, сколько ему сдадут добровольно, имея лишь самое необходимое и пр. (Материалы, 2002, с. 543, 555).

В результате летом 1738 г. Абу-л-Хайр вернулся в Младший жуз. Однако его неблагонадежное поведение, равно как и противоречивая позиция в отношении восставших башкир других казахских ханов и султанов привели к необходимости вновь принять от них присягу. В июне-августе 1738 г. ханы Семеке и Абу-л-Хайр вновь принесли присягу на верность императрице Анне Иоанновне – причем из ее текста даже не следовало, что ранее они такую присягу уже приносили (Крафт, 1898, с. 40–41; Казахско-русские отношения, 1961, № 53, с. 117–118).

Борьба хана Абу-л-Хайра за власть в Башкирии представляет собой весьма значительный эпизод политической жизни на пост-ордынском пространстве. В отличие от многих других претендентов на власть в Поволжье XVII–XVIII вв., он отнюдь не намеревался довольствоваться номинальным статусом хана башкир. Имея власть над значительной частью Младшего жуза, он также стремился установить контроль и над другими жузами – Средним и Старшим, а также и каракалпаками. Не случайно некоторые исследователи считают, что он в 1720–1740-е гг. признавался старшим ханом всех казахов (Ерофеева, 2007, с. 160). При этом он зачастую откровенно «блефовал» в отношениях как с тюрко-монгольскими правителями, так и с российскими властями. Так, вступая в российское подданство, он сам охарактеризовал себя как наиболее влиятельного среди казахских правителей, и для российского посланника А.И. Тевкелева, прибывшего принять у него присягу в 1731 г., настоящим шоком оказалось то, что на самом деле Абу-л-Хайра поддерживало далеко не

большинство казахов даже в Младшем жузе (История, 2005, с. 53, 68; Темиргалиев, 2013, с. 31). С другой стороны, стремясь подчинить себе казахов Старшего жуза и каракалпаков, хан заявлял, что имеет полномочия от имперских властей о приеме их в российское подданство, хотя таковых у него на самом деле не имелось. Так, например, в 1734 г. императрице пришлось упрекнуть хана в том, что он «в подданство принял» Старший жуз, хотя не имел на это права (Крафт, 1898, с. 29).

Не ограничиваясь кочевниками Казахстана и Приаралья, на рубеже 1730–1740-х гг. Абу-л-Хайр предпринял попытку утвердить свою власть и в Хорезме. В первой половине 1730-х гг. он попытался убедить Шах-Тимура, правителя так называемого «Аральского владения» – части Хивинского ханства, население которого обычно поддерживало претендентов на трон, находившихся в оппозиции к ханам в Хиве, – просить российского подданства (Крафт, 1898, с. 30). В 1740 г. он сам объявил себя хивинским ханом, а годом позже – своего старшего сына Нурали, что также вызвало резко негативную реакцию российских властей, которые не хотели портить отношений с Ираном, номинальным вассалом которого считалось в это время Хивинское ханство (см.: Ерофеева, 2007, с. 323–333).

Итак, как можно увидеть, в 1730-е – начале 1740-х гг. в сферу интересов Абу-л-Хайра входили все казахские жузы, Поволжье и Приуралье, Хорезм, прикаспийские территории. Нельзя не увидеть, что амбициозный казахский правитель ставил себе цель ни больше, ни меньше, как восстановить под единой властью практически все бывшие золотоордынские владения – за исключением, может быть, Крыма, находившегося в зависимости от Османской империи. В таких обстоятельствах борьба за власть над Башкирией являлось вполне логичным продолжением его политической линии. Правда, остается гадать, насколько серьезно Абу-л-Хайр готов был оценивать такое препятствие на пути к своей цели как позиция самих башкир, которые, как выяснилось, совершенно не желали признавать власть амбициозного хана во всей ее полноте. По всей вероятности, не считал он большой проблемой и тот факт, что Башкирия (как и все Поволжье и Урал) в это время уже достаточно долго находилась под контролем России, а сам он, Абу-л-Хайр, также являлся российским подданным. Дело в том, что у тюрко-монгольских народов имелось представление о подданстве, не совпадавшее с представлением, характерным для оседлых государств. Кочевники понимали подданство как систему более-менее равноправных отношений с сюзереном, гарантию сохранения определенных льгот и привилегий в обмен на определенные выплаты (ясака) и военную службу. Если же права вассалов, по их мнению, ущемлялись, они могли перекочевать в земли другого сюзерена, вовсе не чувствуя себя мятежниками против прежнего. Так поступали не только казахи, но и другие подданные российских монархов – монголы и буряты, калмыки, алтайцы и пр. (Трепавлов, 2007, с. 146–147, 164–167)³. Соответственно, встретив противодействие своим планам со стороны российских властей в лице оренбургской администрации, Абу-л-Хайр, совершенно не чувствуя себя изменником и не видя в своих действиях вероломства, в начале 1740-х гг. вступил в переговоры с правителем Джунгарского ханства Галдан-Цэреном о возможности принятия его подданства, от чего его удалось с трудом отговорить оренбургскому генерал-губернатору И.И. Неплюеву (Материалы, 1948, с. 40–44).

Неудивительно, что и последующие попытки хана Младшего жуза возвести Ходжа-Ахмада на башкирский трон, не могли не беспокоить российские власти. Так, когда в 1747 г. сын казахского хана обратился к властям за разрешением жениться на знатной казанской татарке, Коллегия иностранных дел нашла повод отказать ему (Игнатъев, 2013, с. 358–359). Несомненно, за этим решением стояло опасение властей, что укрепление связей Абу-л-Хайра и Ходжа-Ахмада с Поволжьем путем породнения с местной знатью позволит им и далее претендовать на башкирский трон, причем в качестве куда более полноправных государей, чем прежде.

Не меньше проблем создавал российскому правлению в Башкирии еще один амбициозный казахский правитель – Аблай, с 1730-х гг. являвшийся влиятельным султаном, а с 1771 г. и ханом Среднего жуза, власть которого признавали также отдельные родоплеменные подразделения Старшего и Младшего жузов. Имевший контакты с башкирами еще со времени восстания 1735–1739 гг. (Материалы, 2002, с. 608) и недовольный тем, что императрица Екатерина II не признала его в достоинстве старшего казахского хана, Аблай de-facto поддержал восстание Е. Пугачева, установив отношения с самозванцем в 1774 г. и, соответственно, продемонстрировав свою поддержку восставшим башкирам (см.: Бекмаханова, 1968, с. 168–181). Неудивительно, что и после подавления восстания

³ Тот факт, что присяга Абу-л-Хайра в русском и казахском вариантах могла существенно различаться, по-разному определяя характер вассалитета (от полноценного подданства в русском варианте до союзнических отношений в казахском) обратила внимание И.В. Ерофеева (Ерофеева, 2013, с. 94–97).

башкиры не прервали контактов со своим единомышленником-ханом. В 1776–1777 гг. Аблай вел длительные переговоры с башкирами о переходе их в его подданство, причем и сам, по сведениям сибирских властей «в верности к российской стороне колеблется», при этом речь шла о присылке к башкирам в качестве хана или ханского наместника одного из сыновей Аблая (Казахско-русские отношения, 1964, с. 85–87). Опасность была тем больше, что Аблай, подобно Абу-л-Хайру, готовому отказаться от российского подданства в пользу джунгарского, в 1750–1770-е гг. номинально признавал власть китайской империи Цин (см. подробнее: Цинская империя, 1989; Noda, Onuma, 2010) и в любой момент был готов отказаться от ограничивавшего его монарший статус российского подданства. Неслучайно именно в 1778 г. вышел указ императрицы Екатерины II, в котором она, наконец, признавала Аблая в достоинстве хана – правда, одного только Среднего жуза.

Таким образом, можно сделать вывод, что претензии на власть в Башкирии в XVIII в. предъявляли наиболее амбициозные казахские ханы, видевшие себя в известной степени восстановителями прежней Золотой Орды (хотя, скорее всего, подобными категориями они в своей политической риторике и не оперировали) – начиная с установления власти над всем Казахстаном и заканчивая распространением ее на Урал, Поволжье, Хорезм и пр. При этом их совершенно не останавливало то, что они пребывали в российском подданстве, которое они в любой момент могли сложить с себя, приняв покровительство другой державы – Джунгарского ханства или империи Цин. Однако по мере укрепления позиций России в Казахстане наиболее амбициозные султаны-Чингизиды отстранялись от власти, и казахскими правителями становились лояльные к империи члены ханских родов, в результате чего доверие к ним не только со стороны других тюркских народов (и башкир, в частности), но и самих казахов существенно снизилось.

По мере интеграции казахских жузов в состав Российской империи и установления контроля российской администрации над казахскими правителями возможности башкир по восстановлению собственной государственности путем приглашения ханов из других государств на постордынском пространстве все более и более сокращались. После присоединения Казахстана и в особенности реформ, начатых уфимским и оренбургским генерал-губернатором О.А. Игельстромом в 1780-е гг. и завершенных в 1820-е гг., Поволжье и Урал из пограничных регионов с особым статусом превратились фактически во внутренний регион Российской империи. В Башкирии была упразднено прежнее административное управление, на смену которой пришла небезызвестная кантонная система (см., напр.: История, 2011, с. 30 и след.), соответственно, усилился контроль над местным населением со стороны властей, и о восстаниях, подобно происходившим в XVIII в., уже не шло речи. Нельзя также не отметить весьма эффективную политику российских региональных властей по разделению и противопоставлению башкир и казахов – например, стимулирование и даже «институционализация» вышеупомянутым О.А. Игельстромом взаимной баранты (Архив 1869, стб. 837), в результате чего казахские ханы и султаны, ранее рассматривавшиеся как кандидаты на трон, теперь воспринимались башкирами исключительно как недруги. Да и сами изменения в административной, социально-экономической и правовой сферах, происшедшие в Башкирии оказались настолько необратимы, что любые попытки восстановления прежних золотоордынских институтов (начиная с ханской власти) уже выглядели бы неэффективным анахронизмом.

ЛИТЕРАТУРА

- Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа, 1993.
- Архив Государственного совета. Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). Ч. 2. СПб., 1869.
- Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002.
- Бекмаханова Н. Легенда о невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 годах). Алма-Ата, 1968.
- Ерофеева И.В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы. Алматы, 2013.
- Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик / 3-е изд., испр. и доп. Алматы, 2007.
- Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / Сост. М.И. Роднов. Т. VII: 1880–1881 годы. Уфа, 2013.
- История башкирского народа. Т. IV. М., 2011.
- История Казахстана в русских источниках. Т. III: Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Алматы, 2005.

- Исянгулов Ш.Н. Башкиры и кочевые узбеки в XV – начале XVI вв. // Проблемы востоковедения. 2011. – № 1, С. 29–33.
- Казахско-русские отношения в XVII–XVIII веках: сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.
- Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годы). Алма-Ата, 1964.
- Касымбаев Ж. Политика Абулхайр хана в принятии Младшим Жузом российского подданства в 30-х годах XVIII века // Изденис/Поиск. 1997. № 5. С. 62–71.
- Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М., 2003.
- Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Лемерсье-Кельже Ш. Волжские калмыки между Российской и Османской империями в период правления Петра Великого (по документам Османского архива) // Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей: Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдилов. Казань, 2009. С. 255–271.
- Материалы по истории Башкортостана. Т VI. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова. Уфа, 2002.
- Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2 (1741–1751 гг.). Алма-Ата, 1948.
- Памятники российского права. В 35 т. Т. 5. Памятники права 1725–1762 гг.: учеб.-науч. пособие / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2014.
- Сабитов Ж.М. Генеалогия торе. Астана, 2008.
- Сабитов Ж.М. Ханы Ногайской Орды // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань, 2009. С. 138–141.
- Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов-на-Дону, 2009.
- Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009.
- Таймасов С.У. Казахские ханы и алдар-кусюмовское восстание в Башкортостане // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятилетней «Отан тарихы» / «История Отечества»: Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 19 апреля 2012 г. Алматы, 2012. С. 20–22.
- Темиргалиев Р. Казахи и Россия. М., 2013.
- Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVI вв. М., 2007.
- Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.
- Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997.
- Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.
- Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2. Алма-Ата, 1989.
- Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty // TIAS Central Eurasian Research Series. Special Issue 1. Tokyo, 2010.

Р.Ю. Почекаев

XVIII ГАСЫРДА КАЗАХ ХАННАРЫ БАШКОРСТАН ӨСТЕННӘН ХАКИМЛЕК ИТҮ ӨЧЕН КӨРӘШТӘ: АЛТЫН УРДА МИРАСЫ ЯҢА СӘЯСИ ҺӘМ ХОКУКЫЙ ШАРТЛАРДА

Мәкаләдә казах ханнарының XVIII гасырда Башкорстан өстеннән хакимият урташтыру өчен көрәшләрнен сәяси-хокукий аспектлары анализлана. Автор ул заман документларын анализлау нигезендә һәм галимнәрнен шушы тема буенча хезмәтләрнен исәпкә алып, башкорларның үзләрнен идарәче итеп казах ханнарын чакыру сәбәпләрнен анализлай. Автор казах ханнары теге яки бу дәрәжәдә элекке Алтын Урда чикләрнен торгызырга теләгәннәр дигән нәтижәгә килә, ләкин нык үзгәргән сәяси ситуация, Идел һәм Урал буе төрки-монгол халыкларының, шулай ук Россия империясенен позициясе аларга моны эшләргә мөмкинлек бирми.

Ачкыч сүзләр: Башкорстан, Казахстан, Алтын Урда, Россия империясе, хан хакимияте, башкорт баш күтәрүләре, төрки-монгол дәүләтләре.

R.Yu. Pochekaev**THE KAZAKH KHANS OF THE XVIII CENTURY IN THE STRUGGLE FOR POWER OVER BASHKIRIA: GOLDEN HORDE LEGACY IN THE NEW POLITICAL AND LEGAL REALITIES**

Article devoted to political and legal aspects of fight of Kazakh khans of the 18th c. for power over Bashkiria. On the base of documents and modern researches author analyzes the reasons of invitation of Kazakh rulers by Bashkirs, views on khan's power from the point of Bashkir rebels as well as Kazakh khans themselves. Author comes to conclusion that Kazakh rulers intended to restore (to a greater or lesser extent) the Golden Horde in its borders, but substantially changed political conditions, position of Turkic-Mongol peoples of Volga-Ural region as well as of the Russian Empire didn't allow to accomplish this task.

Keywords: Bashkiria, Kazakhstan, Golden Horde, Russian Empire, khan power, Bashkir rebellions, Turkic-Mongol states.

Сведения об авторе

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: ropot@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович – юридик фәннәр кандидаты, доцент, «Икътисад югары мәктәбе» милли тикшеренү университеты Санкт-Петербург филиалының хокук һәм дәүләт теориясе һәм тарихы кафедрасының мөдире (Санкт-Петербург шәһәре).

Pochekaev Roman Yulianovich – Cand. Sci. (Jurisprudence), associate professor, department chair of the theory and history of the right and state of the St. Petersburg branch of National research university «The Higher School of Economy» (St. Petersburg).